

Мэн Чуань шел по улице, наблюдая, как торговцы зазывают покупателей к своим лавкам. Неподалеку оживленно переговаривались ученики храма, собравшиеся по двое-трое.

— Глядите, это старший брат Мэн!

— Старший брат Мэн!

Несколько учеников храма Зеркального Озера почтительно поклонились ему.

Мэн Чуань улыбался, радуясь оживленной суете вокруг. Вдруг его взгляд упал на старика-инвалида, сидящего у реки. Рядом с ним лежала удочка. Старик с наслаждением наблюдал за прохожими, время от времени покуривая трубку.

Мэн Чуань был талантливым художником и обладал внимательным взглядом. Он заметил, с каким удовольствием старик наблюдал за окружающими. Счастье буквально переполняло его. И это несмотря на то, что старик был тяжело искалечен — у него не хватало одной руки и ноги.

"Как можно быть таким довольным жизнью с такими увечьями? — подумал Мэн Чуань, подходя ближе, — он выглядит самым несчастным на этой улице, но при этом он самый счастливый?"

— Здравствуйте, дедушка, — вежливо поздоровался Мэн Чуань.

— А? — Инвалид обернулся, держа удочку в единственной руке, — неужели это господин Мэн Чуань? Сам господин Мэн Чуань обратил внимание на такого старика, как я! Надо будет рассказать об этом жене.

Улыбка старика была невероятно заразной.

— Дедушка, скажите, чему вы так радуетесь? — спросил Мэн Чуань, — у вас праздник какой-то?

— Ты только посмотри! Юноши оттачивают боевое мастерство, взрослые зарабатывают на жизнь, — старик указал на улицу, — глядя на всё это, я чувствую умиротворение.

Мэн Чуань был озадачен.

— Когда-то, во время осады перевала Текучего Света, полчища монстров под предводительством своих королей пытались прорваться в Дуннин, — начал свой рассказ старик, — если бы им это удалось, то Дуннин и окрестности превратились бы в пепел. Никто бы не выжил. В те времена я служил в армии, защищавшей перевал Текучего Света. И все от божественных демонов до обычных солдат — сражались не на жизнь, а на смерть.

— Божественные демоны бились с королями демонов?

— А мы с остальными. Труп на трупе, повсюду кровь. Ещё вчера мы вместе смеялись, а сегодня мои боевые товарищи лежат мертвые. Но мы продолжали биться до последнего вздоха, унося с собой на тот свет как можно больше тварей, — старик говорил с улыбкой, но в его глазах блестели слёзы, — глаза наливались кровью от ярости. Когда вокруг не оставалось ни одного врага, то и живых товарищей рядом почти не было.

— Но мы продержались до подхода подкрепления и перевал Текучего Света удалось отстоять, — с гордостью произнес старик, — мы спасли от смерти миллионы жителей Дуннин и окрестностей. Из двух тысяч солдат, защищавших перевал, в живых осталось всего тысяча шестьсот тридцать три человека. Из пяти божественных демонов, оборонявших перевал Текучего Света, выжило только двое.

— Мы все сражались до конца и ни на секунду не задумывались о бегстве. Мы не хотели, чтобы нас истребили. Мы не хотели, чтобы погибли наши семьи и дети... Мы хотели, чтобы они жили мирной жизнью, могли позволить себе выпить чашечку хорошего вина, могли похвастаться своими успехами. Мы хотели, чтобы у них была возможность завести семью и детей... — старик улыбнулся, — каждый день я прихожу сюда и смотрю, как живут люди в моем родном городе. Я вспоминаю всех павших товарищей... Их смерть не была напрасной.

— Мне повезло. Из двух тысяч братьев и сестёр по оружию выжило всего тысяча шестьсот тридцать три человека, и я один из них. Я могу есть мясные пирожки, могу пить вино, могу рыбачить, могу курить трубку... — старик рассмеялся, — разве это не счастье?

Мэн Чуань молча слушал.

Все его сомнения рассеялись.

Некоторые семьи, считавшие себя несчастными, вызывали у него лишь смех по сравнению с этим стариком.

Например, Хун Юй нанялась служанкой в богатый дом и этим зарабатывала на жизнь для себя и брата. Ее отец проигрался в карты и теперь у них долги. Но разве кто-то в этом виноват, кроме него самого? Он говорил, что его обманули? Вряд ли это было правдой, скорее всего, он просто обманывал свою дочь. В конце концов, он сам поставил свою подпись под долговой распиской. Так что теперь жаловаться?

— Люди разные, — сказал про себя Мэн Чуань.

— Некоторые сами опускаются на дно, другие не теряют оптимизма, даже оказавшись в аду.

— Но большинство... — Мэн Чуань посмотрел на прохожих и торговцев.

— Большинство просто хочет жить и каждый день трудится ради этого.

...

Мэн Чуань вернулся домой, пообедал и отправился в кабинет.

Развернув свиток, он начал рисовать.

В его душе роилось множество образов, которые он хотел запечатлеть.

Он начал с одного из районов Дуннин...

...

С этого дня Мэн Чуань посвящал всё свободное от тренировок время рисованию.

День за днём он выводил на свитке всё новые и новые образы.

Прошло лето, наступила осень. Картина была почти закончена. Оставалось нанести последние штрихи.

В результате у него получился огромный свиток длиной восемь метров тридцать сантиметров.

Левую часть свитка занимал старинный город Дуннин.

В центре возвышался роскошный особняк семьи Мэн. Внутри особняка Мэн Чуань изобразил старушку, опирающуюся на трость. Её тело испускало сияние, а лицо вселяло ужас своей мощью. За ней он с фотографической точностью изобразил десятки членов семьи: главу клана, третьего старейшину, Мэн Дацзян и других. Остальных членов семьи он изобразил лишь схематично.

Перед родовым домом семьи Мэн стоял на коленях Лю Чан, главарь банды Черного Волка. Мэн Чуань никогда не видел его лично, но в документах банды хранился его портрет. Правда, Мэн Чуань решил немного приукрасить действительность, изобразив Лю Чан более крупным и устрашающим. И всё же даже на портрете было видно, как сильно Лю Чан боится семью Мэн.

За Лю Чан стоял Чжоу Хэ. Он кланялся ещё ниже, чем главарь банды, и даже пытался изобразить на своём лице подбострастную улыбку. Мэн Чуань очень тщательно прорисовал его лицо.

За Чжоу Хэ стояли Хун Юй и Те Шэн. Мэн Чуань изобразил их робкими и испуганными.

За ними Мэн Чуань нарисовал жителей Дуннин.

На картине были девушки, которых родственники продали в сад Праздного Камня. Они плакали, прощаясь со своей свободой.

Были измождённые рабочие, некоторые из которых были искалечены. Мэн Чуань изобразил на картине однорукого мужчину, пытающегося заработать на жизнь.

Были на картине и посетители ресторанов, чайных и закусочных, уличные торговцы, простые прохожие, были там и картежники, и местные бездельники... Не забыл Мэн Чуань и о старике-инвалиде. Он сидел на берегу, рядом с ним лежали удочка и трубка. Старик с улыбкой смотрел на прохожих, повернувшись к правой части свитка.

Всего Мэн Чуань изобразил на улицах Дуннин несколько сотен жителей.

Особое внимание Мэн Чуань уделил храму боевых искусств.

Он нарисовал храм, в котором дети, подростки и юноши усердно тренировались под руководством директора Гэ Юй, наблюдавшим за ними с чашей вина в руке. Храм располагался на левом краю картины. Над ним восходило солнце, и казалось, что его лучи освещают лица учеников.

Ученики были будущим Дуннин, его единственной надеждой.

На правом краю картины, за городскими стенами, Мэн Чуань изобразил группу юношей в одежде секты. Они прощались со своими родными и отправлялись в далекий путь.

Крайний правый угол картины занимала сцена сражения у стен пограничной крепости. Земля вокруг крепости была залита кровью.

Там сражались двое: человек и демон.

Божественный демон Мэн Сяньгу и а король демонов — огромным змеемонстром.

На крепостной стене солдаты отчаянно бились с ордой монстров.

Большинство солдат были изображены лишь схематично, но некоторые лица Мэн Чуань прорисовал с особой тщательностью.

Среди солдат можно было узнать Мэн Дацзян, директора Гэ Юй, главу клана, третьего старейшину, Юнь Фуань, Лю Чан, Чжоу Хэ... Все эти люди играли разные роли в жизни

Дуннин, но все они когда-то были обычными солдатами, сражавшимися с монстрами!

— Вот и всё, — прошептал Мэн Чуань, заканчивая портрет последнего солдата. Это был тот самый старик-инвалид. Он занес меч над головой монстра, готовясь нанести последний удар. Казалось, он смотрит не на врага, а куда-то вдаль, в сторону мирного Дуннин, изображенного в левой части картины.

В этой картине Мэн Чуань попытался выразить всё, что лежало у него на душе.

Он показал Лю Чан, главаря банды Черного Волка, который дрожал от страха перед семьей божественного демона, семьей Мэн, но в то же время внушал ужас богатым торговцам.

Он показал Чжоу Хэ, надменно помыкавшего своими подчиненными, но в то же время трясущегося от страха перед могущественными мастерами.

Он показал Мэн Дацзян и других влиятельных людей города, которые, несмотря на свой статус, когда-то десять лет рисковали жизнями на границе, защищая родину от демонов.

Он показал божественных демонов, стоящих на страже человечества.

Они были опорой и защитой для всего человеческого рода.

Он показал простых людей, которые были слабы, но многочисленны. Проститутки из сада Праздного Камня были лишь небольшой частью огромного полотна, на котором он изобразил жизнь простого люда.

Именно простой народ был основой человечества. Только благодаря им, обычным людям, у человечества было будущее. Только они могли рожать детей и растить из них новых божественных демонов.

Мэн Чуань изобразил все слои общества.

Он показал лишь малую часть жизни людей, но эта часть давала ответ на вопрос, как человечеству удалось выжить.

В правом верхнем углу свитка Мэн Чуань написал три иероглифа: «Облики всех живых существ».

Живые существа.

Мэн Сяньгу, Мэн Дацзян, третий старейшина, Лю Чан, Чжоу Хэ, старик-инвалид, директор Гэ

Юй... Эти персонажи были реальны, но в то же время нет.

— Готово, — прошептал Мэн Чуань и откинулся на спинку стула. Он чувствовал невероятное умиротворение.

Мэн Чуань любил рисовать с детства.

Он любил наблюдать за миром и запечатлевать увиденное на бумаге. Раньше он рисовал то, что видел. Его картины были настолько реалистичны, что казались живыми. Но во время работы над "Картиной Лошадей" он открыл для себя новый уровень мастерства.

Он научился рисовать не просто картинку, а душу. Его лошади словно жили на холсте. Даже люди, ничего не смыслящие в живописи, приходили в восторг от его картин и готовы были платить за них огромные деньги. В то время Мэн Чуань считался лучшим художником в Дуннин.

Но сегодня он превзошёл сам себя.

Сегодня он нарисовал свою душу!

Он вложил в картину всю свою душу, все свои эмоции. И в тот момент, когда он закончил работу, его охватило невероятное чувство удовлетворения.

— Обличье Жизни, — прошептал Мэн Чуань, закрыв глаза. На его лице играла улыбка.

Он был настолько поглощен своими мыслями, что у него закружилась голова.

Он не знал, что в этот момент в его море сознания, находящемся в точке между бровей, постепенно формировался полупрозрачный силуэт человека. На протяжении всех четырёх месяцев, пока Мэн Чуань работал над картиной "Обличье Жизни", силуэт становился всё ярче и отчётливее. Он впитывал в себя мысли и эмоции Мэн Чуань. И вот теперь, когда работа была закончена, когда душа художника испытала ни с чем не сравнимое чувство удовлетворения, силуэт вспыхнул ярким светом и принял окончательную форму.

В этот момент у Мэн Чуань закружилась голова.

И тогда он увидел. Он словно смотрел на себя изнутри. Его сознание проникло в бескрайнее пространство своего моря сознания. В центре этого пространства стоял человек.

Этот человек был точной копией Мэн Чуань.

<http://tl.rulate.ru/book/116852/4646582>